

Театральные заметки

Въ сѣту расходовъ г. Киева вносятся ежегодно слѣдующія суммы, которыя вносятся въ Государственное казначейство, въ пособіе казны: 1,105 р. на содержаніе центрального управленія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, 6,010 р. пособія Киевской Печерской мужской гимназіи, 117,180 руб. пособія казны на содержаніе чиновъ Киевской городской полиціи и 1,720 р. на содержаніе секретаря и канцеляріи губернскаго по городскимъ дѣламъ присутствія, и всего 125,015 р.

Къ вопросу о военномъ лагерѣ за Кадетскою рощею. Киевскій губернскій распорядительный комитетъ извѣстилъ городское управленіе, что въ виду послѣдовавшихъ перемѣнъ относительно порядка сосредоточенія войскъ въ окрестностяхъ Киева, проситъ объ арендованіи у г. Киева 155 дес. земли за Кадетскою рощею подъ лагерь 42 пѣхотной дивизіи пока оставленъ.

Городская управа сдѣлала вчера распоряженіе объ уборкѣ нѣтъ и другихъ приспособленій, служившихъ для деворарованія города во время августовскихъ торжествъ. Лѣсной матеріалъ будетъ сложенъ въ оградѣ зданія сгорѣвшаго театра и его предполагается употребить для устройства лѣсовъ во время постройки новаго зданія театра.

Центральныя замѣтки. А. П. Чеховъ въ своей новой четырехъактной комедіи «Чайка», надѣлавшей такъ много шуму въ столицѣ, далъ программѣ для недурной повѣсти, но повсе не далъ театральной пьесы. Герой пьесы—декадентствующій юный поэтъ Треплевъ, ищущій новыхъ формъ въ искусствѣ, убѣгающій изъ нынѣшняго театра, какъ «Мопассанъ бѣжалъ отъ Эйфелевой башни, которая давила ему поэтъ своей пошлостью». И таковой герой не случайно и не только съ обязательными цѣлями произведенъ г. Чеховымъ въ это званіе, а онъ взялъ какъ персонажъ, долженствующій выразить типичныя настрѣнія автора—его желаніе дать пьесу сильную и оригинальную со стороны внѣшней формы. Пьеса вышла действительно оригинальной, но... и въ высшей степени сумбурной. Новизна формы должна-бы требовать ясности и полной опредѣленности въ формулировкѣ, а авторъ, благодаря слабому знанію элементарныхъ

требованій сцены, часто повергаетъ зрителя въ полное недоумѣніе не только относительно новизны литературнаго приѣма, но и со стороны удобопонятнаго изложенія отдѣльных сценъ и эпизодовъ пьесы. Между ними есть такіе, присутствія которыхъ нельзя ничѣмъ ни оправдать, ни мотивировать. Къ чему, напр., понадобилась госпитальная сцена перевязки огнестрѣльной раны? Если для того, чтобы наглядно показать, что пожилая актриса Аркадина представляетъ собою «психологическій курьезъ», то въ этомъ зритель можетъ убѣдиться по разговорамъ дѣйствующихъ лицъ и по поступкамъ самой Аркадиной. Для зрителей достаточно знать, что сорокатрехъ-лѣтняя Аркадина молодится не по лѣтамъ, живетъ открыто съ извѣстнымъ беллетристомъ Тригоринымъ, что она «безспорно умна, талантлива, способна рыдать надъ книжкой и ухаживать за больными, какъ ангелъ», но въ то же время болѣзненно самолюбива и завистлива до того, что не можетъ слышать объ успѣхахъ Дузе, скупа до того, что оборваннымъ водить своего взрослого сына, декадентствующаго писателя Треплева, а зла настолько, что способна довести нервно-больного сына своими насмѣшками надъ его безсмысленной пьесой до покушенія на самоубійство, способна затѣять съ нимъ самую грубую перебранку въ то время, когда онъ еще не вполне оправился отъ огнестрѣльной раны, полученной при покушеніи на самоубійство. Къ чему-же еще заставлять Аркадину дѣлать перевязку сыну, а зрителя заставлять, безъ всякой причины, безъ всякаго повода, безъ всякой надобности содрогаться при видѣ госпитальной картины? Также совсѣмъ неожиданно герои г. Чехова начинаютъ играть въ лото въ четвертомъ актѣ. Авторъ завязалъ нѣсколько интригъ передъ зрителемъ, и зритель съ понятнымъ терпѣніемъ ожидаетъ развязки ихъ, а герои г. Чехова, какъ ни въ чемъ не бывало, ни съ того, ни съ сего, усаживаются за лото и начинаютъ монотонно выкрикивать цифры, а зритель долженъ тономъ ждать! Зритель узналъ уже, что Маша, дочь управляющаго нѣтъіемъ Сорана, брата Аркадиной, домъ котораго является мѣстомъ дѣйствія пьесы, влюблена въ Треплева, а Треплевъ влюбленъ въ дочь сосѣдняго помѣщика Пину Зарѣцкую. Маша, потерявъ надежды на декадента, сначала начала нюхать табакъ и пить водку, а потомъ съ горя вышла замужъ за обожающаго ее народнаго учителя, кстати и некстати цѣтирующаго Бокла и Фламаріона и жалующагося на горькую долю, послѣ шуму ему 23 рублевое жалованье. Пина Зарѣцкая симпатизировала Треплеву

и даже изображала «мировую душу» въ его пьесѣ, но когда пьеса провалилась и когда Нина встрѣтилась съ «извѣстными» беллетристами Тригорнымъ, она зміѣнила Трелеву, увлеклась беллетризмомъ до того, что бросила родительскіе домъ, убѣжала въ Москву, сошлась тамъ съ беллетристами, а беллетристы потомъ бросили ее. Все это извѣстно зрителю въ тотъ моментъ, когда герои г. Чехова прехладнокровно усаживаются за лото. Зритель ждетъ поскорѣе узнать, что будетъ дальше, а она все играетъ въ лото. Но, поигравъ еще немножко, она также неожиданно уходитъ въ другую комнату пить чай, какъ пріѣхали съ поезда, какъ уѣхала за лото, притомъ даже не попрощалась съ сыномъ послѣ долгой разлуки. Только теперь приходитъ давно ожидаемая Нина, блуждавшая по окрестностямъ, какъ «мировая душа». Она изливаетъ свое горе Трелеву, и потомъ уходитъ въ Елецъ, гдѣ непремѣнно сдѣлается дружной актрисой. Компания опять усаживается за лото, а Трелевъ уходитъ въ другую комнату и такъ стѣсняется.

На ряду съ такимъ несообразностию, съ полными незнакомствомъ условий сцены, авторъ даетъ не мало живыхъ картинъ, иѣткихъ замѣчаній, блестящихъ аркана блестящаго наблюдательности, и нѣсколько отдѣльных сценъ, написанныхъ сильно, съ захватывающимъ драматизмомъ. Такова сцена нѣтънательства Аркадиной надъ больнымъ сыномъ, такова и сцена послѣдняго свиданія Нины съ Трелевымъ. Что касается характеровъ дѣйствующихъ лицъ, то она страдаетъ неополнотою разработкой и, главнымъ образомъ, потому, что пьеса страдаетъ отсутствиемъ развитія драматическаго дѣйствія—нигдѣ развернуться негдѣ было, но въ то же время эти характеры наѣсны аркана черта, немногими, но сочными знаками, напоминающими манеру писателя г. Чехова въ его лучшихъ беллетристическихъ произведеніяхъ. И эта манера писателя сказывается и въ самой сущности характеровъ дѣйствующихъ лицъ. Передъ нами почти исключительно отрицательные типы, при томъ выведенные въ ахъ самой неприглядной будничной обстановкѣ. Своими поступками она производитъ на зрителя гнетущее впечатлѣніе, но не знаю, найдутся-ли тѣ, которые станутъ отрицать возможность такихъ персонажей среди нашей «интеллигенціи». О знаменитой актрисѣ Аркадиной уже сказано. Фигура знаменитого, но безхарактернаго, «рыскаго» беллетриста, ищущаго свои знаменитыя повѣсти по заѣткамъ изъ записной книжки о случайно подслушанныхъ разговоркахъ, иѣткихъ выраженіяхъ и словахъ, также достаточно обрисовывается по его отношеніямъ къ Аркадинѣ и Зарѣцкой.

Въ такомъ-же родѣ Мама, нюхающая табакъ, пьющая водку, пренебрегающая больнымъ ребенкомъ изъ-за удовольствія посядѣть лишній день въ присутствіи любезнаго ей девадента. Какъ мамаша дожидается напропалую съ докторомъ Дорпономъ, а мамаша, изъ качествъ управляющаго, гра-

бить жизни повѣстника. Положительные характеры выведены авторомъ въ лицѣ Сорина, брата Аркадиной, и восторженной, но несчастной по жизненной обстановкѣ, Нины Зарѣцкой, и она удалась автору

меньше, чѣмъ отрицательные. Соринъ она-злался совершенно безцѣлнымъ, а восторженная Нина вышла недорисованной, главнымъ образомъ, благодаря неудачному, туманному концу пьесы. Что касается героя пьесы, то, чтобы понять его, какъ нѣтъ-важется, надо отбросить его дѣйствіе и разсматривать, какъ психическа ненормальнаго человѣка, и тогда онъ окажется интереснымъ персонажемъ и, быть можетъ, удачно написаннымъ. Не придавая чрезвычайно важнаго значенія девадентству Трелева, легко будетъ разглядѣть въ пьесѣ г. Чехова и недурно задуманный, но слабо вы-

полненный со стороны внѣшней формы сатирическій набросокъ на наши общественныя нравы. Склонность къ сатирическимъ стрѣламъ сквозитъ во всѣхъ произведеніяхъ г. Чехова, и, быть можетъ, поэтому положительные характеры вышли нѣтъе опредѣленными въ его новой пьесѣ.

На нашей сценѣ пьеса г. Чехова разучена и поставлена въ режиссерскомъ отношеніи весьма тщательно. Г. Аичаровъ-Эльстонъ положительно былъ неузнаваемъ въ роли Трелева. Онъ велъ ее увѣренно, на этотъ разъ безъ всякихъ пониженій тона, ярко и обдуманно во всѣхъ подробностяхъ. Онъ создалъ, благодаря всему этому, рельефный образъ нервно-больнаго человѣка, слабохарактернаго, но добраго, чуткаго, ищущаго материнской ласки и теплаго участія къ себѣ и къ затѣямъ своего больнаго воображенія, но нигдѣ не находящаго ихъ и горько страдающаго отъ такихъ разочарованій. Удачно справилась съ своею ролью и г-жа Морская, создавшая изъ Нины Зарѣцкой трогательный образъ любящей дѣвушки, жестоко поплатившейся за свою довѣрчивость. Г-жа Непировичъ искусно отиѣтила въ Аркадинѣ ея необычайное честолюбіе, мощно властвующее надъ всѣми прочими побужденіями женскаго сердца. Сценой минутной размовки съ Тригорнымъ, артистка умѣло воспользовалась, чтобы показать, что не чувство любви руководитъ Аркадиной, когда она желаетъ удержать при себѣ беллетриста, а все то же чувство мелочнаго честолюбія. Г. Рошинъ-Исаровъ, изображавшій беллетриста, также удачно отиѣтилъ въ немъ его слабохарактерность, влекущую за собою гибель бѣдной чайки (Нины), которую «увидѣлъ в отъ нечего дѣлать погубилъ» случайно появившійся человекъ. Остальные роли въ пьесѣ незначительны, но требуютъ внимательнаго отношенія къ себѣ, что исполнила вполне удачно г-жа Чужбинина, Аграмова, гг. Киселевскій, Чужбининъ, Леонидовъ.

Пьеса шла въ бенефисъ г. Чинарова, но для бенефицианта не нашлось въ ней роли. Онъ исполнялъ роль влюбленнаго Саши Золотникова въ комедіи «Вѣда отъ иѣтлаго сердца». Бенефициантъ получилъ полный сборъ, аплодисменты при первомъ выходѣ на сцену и цѣнный подарокъ.

М. Александровскій.